

The child as a subject of family law: from passive to passionate perception of the possible and proper

N. N. Tarusina¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/2306-5648-2024-2-158-171

Research article
Full text in Russian

The article examines the elements of a child's family legal status: the moment of "launching" his legal capacity, legal capacity as a dynamic component of legal personality and the prerequisites that largely determine the features of family legal status, the construction of children's responsibilities. The options for correcting the definition of the concept of "child" are proposed. The elements of the "quasi-legal capacity" of the unborn child are recorded and demonstrated. The variants of intersectoral interaction of the child's legal capacity structure are analyzed, including conflicts between branches of legislation, as well as the not always justified differentiation of a child's legal capabilities depending on his age. Attention is drawn to the complete disregard in the family law of the construction of children's responsibilities, which are indirectly or directly fixed in a number of branches of Russian legislation (on education, labor, administrative and criminal liability), as well as in foreign law.

Keywords: child; concept; emergence of legal capacity; family sphere; family capacity; child responsibilities

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tarusina, Nadezhda N.	EE-mail: nant@uniyar.ac.ru ORCID iD: 0000-0001-8827-5532 Cand. Sc. (Jurisprudence), Professor, Honored lawyer of the Russian Federation
-----------------------	--

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-014).

For citation: Tarusina N. N. The child as a subject of family law: from passive to passionate perception of the possible and proper // Demidov Law Journal. 2024. Vol. 14, No. 2. P. 158-171. (in Russ.)

Ребенок как субъект семейного права: от пассивного до пассионарного восприятия возможного и должного

Н. Н. Тарусина¹

¹Ярославский государственный университет им П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2306-5648-2024-2-158-171

УДК 347.61/64

Научная статья

Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются элементы семейно-правового статуса ребенка: момент «запуска» его правоспособности, дееспособность в качестве динамической составляющей правосубъектности и предпосылки, во многом предопределяющей особенности семейно-правового статуса, конструкция детских обязанностей. Предлагаются варианты корректировки определения понятия «ребенок». Фиксируются и демонстрируются элементы «квазиправоспособности» неродившегося ребенка. Анализируются варианты межотраслевого взаимодействия конструкции дееспособности ребенка, включая коллизии между отраслями законодательства, а также не всегда обоснованную дифференциацию юридических возможностей ребенка в зависимости от его возраста. Обращается внимание на полное игнорирование в семейном законе конструкции детских обязанностей, которая косвенным или непосредственным образом закреплена в ряде отраслей российского законодательства (об образовании, труде, административной и уголовной ответственности), а также и в зарубежном праве.

Ключевые слова: ребенок; понятие; возникновение правоспособности; сфера семьи; семейная дееспособность; детские обязанности

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тарусина, Надежда Николаевна

E-mail: nant@uniyar.ac.ru

ORCID iD: 0000-0001-8827-5532

Кандидат юридических наук, профессор, заведующий
кафедрой социального и семейного законодательства,
Заслуженный юрист РФ

Финансирование: ЯрГУ (проект VIP-014).

Для цитирования: Тарусина Н. Н. Ребенок как субъект семейного права: от пассивного до пассионарного восприятия возможного и должного // Демидовский юридический журнал. 2024. Том 14, № 2. С. 158-171.

В наше время перед российским законодателем все усложняется и актуализируется задача по усилению и систематизации юридических форм и способов, обеспечивающих потребность российского общества (или, по крайней мере, его большинства) в самосохранении и разумной эволюции. Сформированная законодателем в рамках означенной цели нормативность права переводится (или должна переводиться) как самими обладателями субъективных прав и юридических обязанностей,

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

так и правоприменителями в разумную, справедливую упорядоченность конкретных общественных отношений. Среди них архизначимое место занимает проблема социального и правового статуса ребенка, его взаимодействия с родителями, обращенное внутрь семьи, а также ориентированное и в публичную сферу, многосмысловой, эволюционирующий российский социум.

Очевидно, что благополучие указанной группы граждан занимает в головах и сердцах законодателя и правоприменителя, в их целеполагании особое место, ибо оное благополучие является одной из основ выживания общества и государства. При этом детей указанные вершители их юридических и фактических судеб безосновательно (или, по крайней мере, внутренне противоречиво) считают недееспособными или дееспособными в столь малой степени, что не ждут от них значимого должествования, ответственного подхода к реализации предоставленных прав (и уж тем более – исполнения юридических обязанностей), а родителей и иных попечителей – не только носителями прав по их воспитанию и обязанностей по заботе о них, но и, соответственно, «восполнителями» недееспособности детей и ограничителями их правовых возможностей. В принципе, это соответствует сущности родительско-детских правоотношений. Однако подобное замещение воли ребенка не только далеко не всегда оправданно с психологической и педагогической точек зрения, но и не соответствует букве и/или духу закона и даже противоречит ему.

Вокруг и внутри детства все более и более накапливаются «точки кипения»: «суррогатный ребенок» как предмет притязания и спора, покушение на гегемонию биологического происхождения – со стороны биомедицинских технологий и раздвоение генетического и биологического начала его трактовки; эксперименты по поводу идентификации ребенка, включая фантазии родителей об имени и матчестве (а в иных землях – и о смене пола, в том числе волею самого дитяти с весьма малого возраста); сохранение тайны происхождения при применении вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) и усыновлении/удочерении – в противоходе с правом ребенка знать своих родителей; судебное установление/оспаривание отцовства как фактор разрушения сложившейся семьи – при игнорировании позиции ребенка; гендерные различия при реализации прав родителей, однополое родительство, возникшее в том числе при смене пола одним из родителей в браке или после его расторжения (прекращения)¹; неопределенность толкования права ребенка на семейную жизнь и корреспондирующего ему права на семейную жизнь других лиц (понимаемого либо слишком узко, либо, напротив, необоснованно широко); споры о месте жительства ребенка и об участии в его воспитании матери/отца при раздельном их проживании (доходящие до уровня открытой агрессии родителей, задевающей своим обоюдоострым оружием «объект спора»); право ребенка на информацию, участие в общественно-политических акциях и ограничения означенных возможностей в его же интересах и т. д.

Следует констатировать, что перечисленная проблематика на данном этапе научных исследований системно в доктрине не представлена, хотя, разумеется, в той или иной мере она (проблематика) в них присутствует, нередко – в весьма ярком и оригинальном либо вполне разумном прочтении. Задача доктрины, законода-

¹ Хотя таковая процедура (и в медицинском, и в юридическом плане) с 2023 г. в России существенно ограничена, даже ближе к запрету, нежели к допущению (строго по медицинским показаниям и в рамках жесткой разрешительной процедуры), наличествуют последствия прежней (избыточно либеральной практики).

тельства и правоприменения по систематизации данных информационных потоков и формулированию соответствующих правовых позиций относится к числу чрезвычайно актуальных и фундаментальных. Она, разумеется, не может быть реализована одномоментно и в рамках одного – двух исследований, даже и обобщающего характера. Но решать ее необходимо – шаг за шагом, что, на наш взгляд, в доктрине вполне осознается [1–5].

Об определении понятия «ребенок». В теории права нет единства о том, кто же из субъектов относится к такой особенной категории, как ребенок, а в законодательстве решение этого вопроса избыточно упрощено: ребенком является лицо, не достигшее совершеннолетия (ст. 54 Семейного кодекса Российской Федерации² (далее – СК РФ)). В действительности, законодатель, объявляя ребенком всякое лицо, не достигшее 18-летнего возраста, игнорирует ряд юридически значимых обстоятельств: вступление в брак является предпосылкой досрочного «правового взросления» гражданина (ч. 2 ст. 21 Гражданского кодекса Российской Федерации³ (далее – ГК РФ), ч. 2 ст. 120 СК РФ); внебрачное 16-летнее материнство и отцовство предполагает самостоятельное осуществление родительских прав и обязанностей и также существенно корректирует (или должно корректировать) статус таких несовершеннолетних граждан; с некоторыми оговорками можно признать факт досрочного достижения «взрослости» и у эмансипированного гражданина (ст. 27 ГК РФ). Все это требует и уточнения, и дефиниции, и систематизации (в том числе коррекции) указанных благоприобретенных элементов правового статуса как в контексте дефиниции, так и конструкции правосубъектности (дееспособности). Причем неточность дефиниции в доктрине критикуется достаточно давно, однако ни в одном законопроекте ее корректировка не предлагается. Между тем последняя может быть осуществлена тремя альтернативными способами: либо указанием на исключения, предусмотренные федеральным законодательством, согласно которым несовершеннолетний гражданин досрочно (ранее 18 лет) выбывает из обсуждаемого статуса, либо прямой ориентировкой на вступление в брак и приобретение полной дееспособности по другим основаниям [6], либо подключением специального критерия, с помощью которого ребенок определяется как «лицо, в отношении которого законные представители обязаны осуществлять воспитание и попечение» [7]. Правомочны все три варианта, так как они вполне явным образом корректируют дефиницию ребенка, – дело за выбором законодателя, хотя, видимо, не сегодняшнего, а послезавтрашнего дня.

О моменте «запуска» правосубъектности ребенка. Конструкция правосубъектности несовершеннолетнего гражданина, в ее классическом прочтении, предполагает условную статическую часть (правоспособность) и «динамо-машину» в образе дееспособности, которая переводит нормативистику первой в реальность его бытия в пространстве семьи, иных частных, а также и публичных сферах. При этом возникают три направления размышлений: 1) о моменте возникновения правоспособности; 2) об «одноактном» наполнении ее содержания (объема), совпадающего с моментом появления на свет или, как предположении, постепенном увеличении составляющих ее элементов по мере продвижения ребенка по «возрастной лестнице»; 3) о волевых и формальных возрастных критериях эволюционирования дееспособности. Первый

² Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // СЗ РФ. 1906. № 1, ст. 16.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изменениями на 14.04.2023) (редакция, действующая с 28.04.2023). Ч. 1. // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

и третий аспекты имеют как доктринальное, так и прикладное значение, а второй – скорее относится к догматике, теоретическому «фантазированию», ибо независимо от того, признаем ли мы право ребенка на вступление в брак, свободу слова, учет мнения и другие права и свободы принадлежащими ему от рождения, но активизируемыми при определенном наборе юридических фактов или же появляющимися одновременно с соответствующими компонентами дееспособности, в реальной (и даже надстроечной юридической) жизни ничего не изменится: означенные и другие подобные права, которые для грудничка, или малыша чуть более зрелого возраста, или подростка все равно «запускаются» при наступлении того или иного события, действия или их совокупности, предложенных в специальном качестве нормой закона. Поэтому обратим свое пристальное внимание именно на два упомянутых аспекта.

С одной стороны, положение о начале правоспособного бытия одновременно с актом рождения относится к аксиоме юриспруденции. Это подтверждается и на конституционном уровне: права и свободы человека принадлежат ему с рождения (ч. 2 ст. 17 Конституции РФ). Однако, с другой стороны, в данной норме употреблено словосочетание «основные права и свободы»... Значит ли это, что «неосновные» могут появляться по мере взросления? А также значит ли это, что, например, право на семью и другие юридические возможности, напрямую в Основном законе не заявленные (об их конституционном признании можно судить лишь опосредованно – с помощью указаний о защите материнства, детства и семьи в целом (ст. 38 Конституции РФ и других подобных деклараций) также относятся к «отложенным»? Полагаем сие загадкой, пояснение к которой скрылось в анналах обсуждений разработчиков проекта.

Кроме того, известна ссылка на положения Декларации прав ребенка, подтвержденная в преамбуле Конвенции о правах ребенка,⁴ о необходимости защиты детей как до, так и после рождения, а также аналогичных заявлений в конституционном и фундаментальном отраслевом (например, гражданском) законодательстве ряда стран [8]. Однако этим фактологическая часть сомнений не исчерпывается, ибо и российское законодательство прямым или опосредованным образом если не права, то интересы nasciturуса охраняет нормами гражданского закона о возмещении ущерба и наследовании (ст. 1088 и 1116 ГК РФ), уголовного закона – посредством угрозы усиленной ответственности за убийство беременной женщины (ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации⁵ (далее – УК РФ)) трудового и социально-обеспечительного права (о льготировании и защите прав женщины в означенном состоянии – ст. 64, 93, 96 Трудового кодекса Российской Федерации⁶ (далее – ТК РФ) и др.), нормами СК РФ (ст. 17, ч. 3 ст. 48, ст. 89–90 СК РФ – об охране интересов женщины и будущего ребенка посредством ограничения права мужа на расторжение брака (причем в виде абсолютного запрета на инициирование развода на весь период беременности, независимо от очевидного отцовства другого мужчины)⁷, предоставления возможности подачи заявления об отцовстве до рождения ребенка, возникновения алиментных обязательств в пользу будущей матери; и др.). Все это как бы формиру-

⁴ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

⁶ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2002. № 1, ч. 1, ст. 3.

⁷ Мы считаем данный «абсолютизм» избыточным. Но он есть по факту.

ет нормативно-правовой «намеком» о допущении гипотезы о «предправоспособности» («квазиправоспособности») неродившегося ребенка, преобразующейся в форму своего классического существования с его появлением на свет⁸. Но именно – лишь гипотезы. Если мы примем ее за данность, то перед юриспруденцией (и ее практической, «животворной», частью – законодательством) предстанет неразрешимая дилемма (а если и разрешимая, то исключительно в технологии, рекомендованной царем Соломоном по известному спору двух женщин): признание за nasciturусом хотя бы и минимальной правоспособности (пусть даже с приставками «квази» или «пред») предполагает его право родиться, что, в свою очередь, вступает в противоречие с правом женщины принять решение о сохранении или прерывании беременности, переводит ее в категорию строго обязанного лица (а неисполнение обязанности, по общему правилу, должно влечь либо меры оперативного воздействия, либо меры ответственности...). При этом следует заметить, что, например, Конституционный Суд РФ не исключает охраны интересов nasciturуса и реализации права родившегося ребенка, основанного на данном интересе, – даже в рамках решения по таким специальным вопросам, как возмещение морального вреда. Так, в своем постановлении от 02.03.2023 № 7–П⁹ Суд отметил, что подобное возмещение вполне возможно (в том числе в системном истолковании с возмещением материального вреда ребенку, зачатому при жизни его будущего кормильца), не требует неких особых доказательств (сравнительно с другими субъектами обсуждаемого права), а причинение морального вреда такому ребенку, во всяком случае, должно предполагаться (п. 5, 6).

Образ конструкции правосубъектности (и дееспособности как ее «динамо-машины») весьма изменчив и содержательно неустойчив. Так, например, в доктринах конституционного, трудового, административного и уголовного права либо всецело царствует, либо доминирует концепция неразделенной правосубъектности [10; 11, с. 163–166]. В то же время нормативно-правовые отраслевые композиции, ввиду очевидного самостоятельного значения конструкции дееспособности/вменяемости (нулевой, частичной, ограниченной), неизбежно отражают фактические характеристики, с нею связанные, в своих текстах, что, конечно, наводит на мысль о неточности теоретических выкладок по данному вопросу. При этом их «цифровые» границы различаются (в конституционном и трудовом праве – 14 и 16 лет, с допущением снижения (для особых случаев труда малолетних граждан, хотя и без явного обозначения именно особенностей допускаемых исключений, а также для случаев ученичества), административном – 16, медицинском – 15, уголовном – 14 (но с индивидуализацией «когнитивно-эмоциональной» характеристики несовершеннолетнего, влияющей на применение к нему мер уголовной ответственности, а также актуализацией доктринальной дискуссии о 12-летнем возрастном барьере для ряда общественно опасных деяний [12]).

Как видим, возрастные границы явно не сбалансированы в межотраслевом смысле. Например, 15-летний возрастной барьер в законодательстве о здравоохранении коррелирует только с ситуациями возможного снижения брачного

⁸ Впрочем, в связи с этим еще классик цивилистики Г. Ф. Шершеневич подчеркивал: «Не зародыш, а родившийся ребенок оказывает влияние на юридические отношения, причем это влияние относится к тому моменту, когда он был еще зародышем» [9, с. 74–76].

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 2 марта 2023 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 17 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. В. Григорьевой» // СПС Консультант Плюс.

возраста по законам отдельных субъектов РФ (избравших вариант 15, а не 14 лет), что, по меньшей мере, странно. Данную несообразность можно продемонстрировать на образце «взаимодействия» медицинско-правового и семейно-правового старта учета позиции несовершеннолетнего лица: СК РФ в нормах ст. 62 дифференцирует статус несовершеннолетних родителей, не состоящих в браке, по возрастным категориям 14 и 16 лет. Значит, с 14 лет можно приобрести неполный родительский статус, включая право судебного признания своего отцовства (материнства), а согласие на прерывание беременности – с 15 лет... (До достижения данного ценза волеизъявление по столь личному вопросу должны осуществлять исключительно родители беременной несовершеннолетней дочери. Нонсенс.)

Гражданско-процессуальный закон еще более неопределенно дифференцирует как дееспособность, так и статус несовершеннолетних участников процесса: норма ст. 37 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации¹⁰ (далее – ГПК РФ) лишь фиксирует допуск к участию в деле с 14-летнего возраста (на основе прямого указания материального закона) и ничего не сообщает о младших детях; и это при том, что они могут привлекаться в процесс на различных его стадиях для выявления их позиции (не в качестве же «говорящих кукол» они там присутствуют...) даже и в 5 лет (на основе усмотрения суда, промотивированного положительным заключением представителя органа опеки и попечительства и/или эксперта в области детской психологии. Подобные недомолвки и «разноголосица» в доктрине анализируются и справедливо критикуются [4, с. 130–131; 13].

В сфере образования цифровые обозначения дееспособности отсутствуют и заменяются другими критериями – категоризацией обучающихся: младший и старший дошкольный возраст, учащиеся младших и старших классов. Это оправданно, так как в воспитательные и образовательные учреждения дети поступают в самом разном возрасте (даже и в пределах «малолетства»). Поскольку при этом все категории детей обязаны соблюдать устав соответствующего учреждения, его локальные акты, а старшеклассники – еще и подлежат дисциплинарной ответственности за нарушения в этой сфере, в том числе за неисполнение указанных обязанностей (ст. 43 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹¹ (далее – ФЗ «Об образовании»)), было бы странным, необоснованным, несправедливым дифференцировать статусы обучающихся внутри одной и той же группы (например, на долженствующих соблюдать правила внутреннего распорядка и учебный план и освобожденных от данной обязанности).

Напротив, в сфере гражданского права внутренняя дифференциация правосубъектности осуществлена с формализованной определенностью как с точки зрения «цифры» (возраста) – 6¹², 14, 16 лет, так и содержания (ст. 26–28 ГК РФ) и, на наш взгляд, может приниматься в качестве модельного (хотя и не безусловно обязательного) решения для других отраслей права¹³[15, с. 156–157]. Конечно, в значитель-

¹⁰ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 14.04.2023, с изм. от 26.04.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.04.2023) // СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 4532.

¹¹ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53, ст. 7598.

¹² Хотя в доктрине и отмечается, что часть возможностей обладателя «мини-дееспособности» является декларативной и практически игнорируемой. См.: [14].

¹³ Подробнее о гражданско-правовом контексте правосубъектности см. главы об имущественных правах детей, эмансипации, наследственных правах.

ной мере подобная формализация обусловлена имущественным характером большинства правоотношений гражданского оборота. Однако в то же время предлагаемая возрастная дифференциация (в частности, 14- и 16-летние точки отсчета) вполне солидаризируются с большинством вариантов других отраслей российского права.

В гораздо более занимательном виде являются нам доктринальные предположения и законодательные решения о правосубъектности, особенно ее деятельной части – дееспособности, в пространстве семейного права¹⁴. Так, и в дальней, и в ближней истории данные юридические конструкции даже не упоминались в ключевых учебниках по семейному праву [17] (в противовес аналогичным источникам по гражданскому праву, в которых не только анализировались сущность и проявление правоспособности и дееспособности субъектов, но и имелись рассуждения, как мы уже отмечали, об охране интересов nasciturus, впрочем, с выводом об отсутствии у него даже и зачатков правоспособности), а также размышления (нередко весьма безапелляционные) о компонентах правоспособности и дееспособности ребенка в сфере семьи (особенно это характерно для апологетов цивилистической, в смысле гражданско-правовой, природы семейного права, отрицающих или подвергающих жесткому сомнению его суверенность).

Справедливости ради следует заметить, что в семейном праве (как дочернем от гражданского права образовании) длительное время использовался понятийный ряд именно классической цивилистики (материнской отрасли). Кроме того, до включения в СК РФ главы о правах детей, несмотря на постоянное внимание к идее о необходимости охраны и защиты их прав и интересов, данные особые субъекты рассматривались, скорее, как объекты государственной заботы и воспитательного воздействия, в том числе через призму соответствующих прав и обязанностей их родителей и других законных попечителей, нежели в качестве «пассионарных» субъектов. Дети присутствовали в прежнем законодательстве опосредованно – через конструкцию «интересы ребенка» (кои подлежали особой охране и защите) и статус их опекунов/попечителей (родителей, усыновителей, приемных родителей и др.), а также статус иных лиц, призванных законом к обеспечению, охране и защите прав детей (сотрудников органов опеки и попечительства, различных детских учреждений, медицинских служб, прокуратуры, внутренних дел, суда, наконец; уполномоченных по правам человека, правам ребенка¹⁵; и др.).

Однако и в настоящее время конструкция семейной правосубъектности испытывает на себе доктринальное давление со стороны классической цивилистики. Особенно остро это проявилось в пореформенный период, когда вернуло себе популярность, пусть и относительную, как мы уже отметили, сомнение в самостоятельности семейного права (М. В. Антокольская и др.) [18, с. 38–42]. В его рамках были заявлены идеи об общецивилистической сущности правосубъектности (прежде всего его работающей части – дееспособности). Однако даже и под означенной «крышей» представители данного взгляда на семейное право не только констатировали факты прямого воздействия гражданско-правовой дееспособности на судьбу семейных

¹⁴ Следует заметить, что «занимательные приключения» возраста как юридического факта характерны для семейно-правовой сферы нашего бытия в целом. Подробно см., например: [16] и др.

¹⁵ И компетенция, и реальная практика уполномоченных этих двух видов в части защиты прав ребенка взаимодействия не исключает: граждане нередко обращаются с этими вопросами и в службу уполномоченных по правам человека, несмотря на функционирование в регионе института уполномоченного по правам детей.

правоотношений, но и обнаруживали очевидные особенности проявления ее семейно-правового аналога [18, с. 59–64].

Действительно, таковые проявления и наличествуют, и облечены нередко в оригинальные формы с противоречивым, как мы уже отметили ранее, содержанием. Так, с одной стороны, в отличие от ГК РФ, в СК РФ нижняя точка «минидееспособности» (например, те же 6 лет) не зафиксирована. И это, на наш взгляд, разумно, так как в семейно-правовой сфере в статусе ребенка абсолютно доминируют права и интересы личного, а не имущественного характера. В этом смысле более уместна аналогия с образовательным законодательством, в котором ключевой целью и основным понятием, как и в семейно-правовых институтах родительства и детства, является надлежащее обучение и воспитание (ст. 2 ФЗ «Об образовании», ст. 54 и 63 СК РФ) и в котором, как мы уже отметили, отсутствуют формальные возрастные градации. Однако, с другой стороны, несмотря на то что в СК РФ объявлено положение об учете мнения ребенка по вопросам, затрагивающим его интересы (ст. 57) независимо от возраста (но при условии понимания о его индивидуальных когнитивно-эмоциональных возможностях восприятия и оценки ситуации), в кодексе нет ни единого слова о «зачатках» его дееспособности. Более того, они не обозначены и для несовершеннолетнего с 10 и 14 (15, 16) лет. Иначе говоря, понятие семейной дееспособности (невероятно, но факт) в семейном законе отсутствует – имеются лишь частные о ней упоминания: недееспособность как препятствие к вступлению в брак, усыновлению/удочерению, опекунству/попечительству, лишению родительских прав.

Между тем в первом случае ребенку (с 10 лет) предоставлено право на официальное выражение своей позиции в форме согласия/несогласия на ряд семейно-правовых актов (ст. 57 СК РФ): не в бессознательном же с юридической точки зрения состоянии он реализует данное право (а возможно, и «правообязанность»)¹⁶... Во втором случае (с 14 лет) он, по сути, приобретает усеченный статус взрослого лица по вопросам самостоятельной судебной защиты (ст. 56 СК РФ, хотя и не без коллизионности с нормами ст. 24, 49, 70, 73 СК РФ [4, с. 121–139], которые исключают его из перечня лиц, имеющих право на предъявление соответствующего иска), заключения брака (по региональному законодательству – ст. 13 СК РФ), внебрачного родительства (ст. 62 СК РФ). Небезынтересен также вопрос: на основании какого «витка» дееспособности несовершеннолетний 14–17 лет инициирует заявление о снижении ему брачного возраста для вступления в конкретный брак?... С 14 лет допускается самостоятельное обращение в суд с иском об установлении собственного отцовства. С 16 лет несовершеннолетний приобретает также полный статус родителя в отношении своего внебрачного ребенка (ст. 62 СК РФ). При этом он и в этих случаях остается вне охвата своих возможностей с помощью обсуждаемой официально зафиксированной конструкции дееспособности. Применение же к данным ситуациям положения о частичной гражданской дееспособности (ст. 26 ГК РФ) возможно лишь на уровне анекдота – при сравнении прав авторства в цивилистическом смысле и прав авторства в отношении зачатого и родившегося малыша, носителя генотипа, производного от родительского (чем не «авторство»?..). Пусть данная аналогия в статусе «словесной эквилибристики» и остается, а семейному закону – все же дастся кон-

¹⁶ Своеобразное существование субъективных семейных прав родителей именно в таком двойственном виде не только признается в доктрине, но и фиксировано в СК РФ (ч. 4 ст. 63). Допускаем, что таким же образом следует квалифицировать и указанное правомочие ребенка.

струкция дееспособности во всем ее возрастном и волевом многообразии. Для этого, как известно, существует в кодексах «общая часть» (или «общие положения»)¹⁷.

Все перечисленные иллюстрации свидетельствуют не столько о доктринальных пустотах в пространстве конструкции семейной правосубъектности (правоспособности и дееспособности, особенно последней), – дискурс в ней присутствует, сколько об очевидном пробеле в семейной нормативистике и ее внутренней коллизии по данному вопросу (как, впрочем, и коллизии межотраслевой). Полагаем, что в «общей части» СК РФ следует закрепить некоторый набор положений о семейной дееспособности, взяв за основу образцы ГК РФ, но с учетом специфики жизнедеятельности семейных правоотношений: без указания возраста – о возможностях малолетнего ребенка высказывать свое мнение, об элементах дееспособности по достижении 10 лет, о значительных дееспособных композициях с 14 и 16 лет. При этом в доктрине предстоит обсудить обоснованность законодательного решения о 10-летнем возрасте как точке запуска правила о даче согласия на совершение значимых семейно-правовых актов, так как данные психологии об уровне эмоционально-когнитивных способностей детей этой возрастной группы не вполне подтверждают подобную позицию законодателя (в частности, высказываются более надежные, обоснованные предположения о 12-летнем барьере) [16, с. 21–22], а аргументы об акселерации несовершеннолетних не находят очевидного подтверждения [21].

Наиболее дискуссионным (хотя, казалось бы, и предыдущие дискурсы отнюдь не относятся к группе флегматичных рассуждений) является вопрос о допустимости для ребенка различных типов семейно-правового долженствования. Несмотря на отрицание подобного как на уровне даже и современной доктрины, за редким исключением, так и на уровне семейного законодательства «ростки» идеи о принадлежности детей к категории обязанных лиц появились еще в классической цивилистике 60-х годов прошлого века. О. С. Иоффе, анализируя особенности родительно-детских правоотношений подчеркивал, что упоминание в семейном законе прав родителей по отношению к детям само по себе свидетельствует о возложении на детей обязанностей, им корреспондирующих, по подчинению правомерному, отвечающему целям воспитания воздействию со стороны родителей [22; с. 238–239]. Автор не развил эту идею в качестве одной из композиций правосубъектности (дееспособности) и семейно-правового статуса ребенка. Но этого и не следовало от него ожидать: О. С. Иоффе был одним из представителей ленинградской цивилистической школы, которая исповедовала идею включенности семейного права в право гражданское в качестве подотрасли (и, кстати, продолжают следовать заданным курсом), а, следовательно, гражданско-правовая конструкция дееспособности, во всем своем классическом изяществе, была призвана принимать под свою «крышу» и субъектов семейного права. Кроме того, о ту пору в семейном законе, как мы уже заметили ранее, фигура ребенка и не выделялась в качестве своеобразного юридического суверена с зачатками «пассионарности»: до СК РФ в кодексах содержался акцент на соответствие действий законных воспитателей интересам детей (что, конечно, составлял и составляет ключ к их семейному поведению) и указание на некоторые их права, но без системы, без явного осознания суверенности детской субъектности.

¹⁷ Нелишне подчеркнуть, что, к сожалению, данный элемент структуры СК РФ совершенно весьма беден: в нем отсутствуют не только нормы о семейной дееспособности, но и нормы дефиниции ключевых семейно-правовых понятий. Подробно об этом см. другие наши труды [19–20].

Одним из немногих, кто подхватил означенную идею, был Е. М. Ворожейкин. И это не составляло случайности, так как именно данный ученый сформулировал основы для фиксации самостоятельного статуса семейного права в цивилистической семье и первым системно исследовал особенности семейных правоотношений. В частности, автор подчеркивал архиважность юридически закрепленной ответной реакции детей на воспитательное воздействие родителей, ибо ее отсутствие поощряет избирательное отношение детей к воспитательным мерам вследствие эгоистических, ложно понимаемых интересов и потребностей [23, с. 189–190]. Однако состыковки данной предполагаемой конструкции с общесемейным доктринальным и нормативным блоком семейно-правовой дееспособности (тем более дееспособности ребенка как особого субъекта семейного права и семейных правоотношений) не только не было осуществлено, но даже и не было заявлено. На необходимость фиксации обязанности детей уважать своих родителей справедливо и обоснованно указывала также Н. М. Ершова [24, с. 19].

В последующем, несмотря на отдельные «вбросы» в доктрину соображений о необходимости внедрения в семейный закон «детской обязанности» (Н. Н. Тарусина, А. М. Рабец, А. А. Елисеева и др.) [25, с. 104–105; 26, с. 162–163; 27, с. 85–86], соответствующие контраргументы продолжали доминировать. В частности, среди них наиболее значимыми являлись (и являются) два: ребенок не обладает дееспособностью априори, по умолчанию; закрепление за ним обязанности не может быть подкреплено мерами ответственности, то есть будет декларативным, поэтому следует ограничиться ожиданиями соотношения поведения детей и воспитательного воздействия родителей и других лиц на уровне норм этики, а не права (А. М. Нечаева и др.) [28]. Более того, возложение на детей рассматриваемой юридической обязанности иной раз (представителями все той же ленинградской/петербургской цивилистической школы) квалифицируется как «нелепость» [29, с. 295–296]¹⁸. Заметьте, «нелепость», сформулированная классиками цивилистики – О. С. Иоффе (ярчайшим представителем этой же школы) и Е. М. Ворожейкиным (не менее ярким носителем идей московской школы права).

А теперь – по существу контраргументов. Первое: требование учета мнения ребенка по семейно-правовым вопросам, затрагивающим его интересы (в том числе до 10 лет, на практике – примерно лет с пяти, хотя и на основе рекомендации представителя органа опеки и попечительства и/или эксперта-психолога), и тем более его согласия на совершение ряда семейно-правовых актов (с 10 лет) уже с очевидностью свидетельствует о частичной его дееспособности, хотя и не заявляемой семейным законом; достижение возраста 14 лет – значительно усиливает (как мы уже отметили ранее) ее содержание. При этом неизбежность долженствования очевидным образом либо предполагается (в трудовом договоре, при административном и уголовном преследовании и т. п.), либо заявляется напрямую (в образовательном законодательстве, на что мы уже также обратили внимание ранее).

Второе: декларативный характер конструкции обязанности отнюдь не является единственным примером: нормы ст. 1 СК РФ активно призывают к взаимоуважению членов семьи и к другому этически окрашенному их поведению, а норма ст. 31 СК РФ призывает к аналогичному взаимодействию супругов; при этом разрушение дан-

¹⁸ Тонкость, как следует из ссылок на учебник по гражданскому праву (под ред. все того же петербуржца А. П. Сергеева) 2009 и 2016 годов издания, заключается в заявлении, после 2007 г., противоположного взгляда на проблему.

ных нравственных основ не ведет к применению ни мер ответственности, ни других санкций – супруги в этом случае вольны как расторгнуть свой брак, так и сохранять его в христианском многотерпении¹⁹... Однако данные призывы самим своим существом (пусть и декларативным) оказывают регулятивное (и, безусловно, воспитательное) воздействие на поведение субъектов семейного права, а игнорирование их вызывает общественное осуждение. (Последнее же, пусть и с определенной долей сомнения, вполне может нести в себе правовое начало.)

Третье: конструкция детской обязанности уважать своих родителей и других законных воспитателей давно признана юридически значимой в немалом числе зарубежных законов о семье – Германии, Польше, Чехии, КНР и др. [30, с. 25–28]. Конечно, можно возразить, что в настоящее время в большинстве европейских стран семейное законодательство принимает экзотические формы, совершенно не приемлемые для российского общества, не соответствующие российским традиционным семейным ценностям, которые подлежат конституционно-правовой охране [31]. Однако тонкость заключается в том, что обсуждаемая конструкция появилась там именно в период поклонения означенным ценностям, а в Болгарии, например, она была закреплена еще во времена ее принадлежности к социалистическому лагерю²⁰.

Если же вновь обратиться к российскому законодательству об образовании, то получим в адрес агностиков довольно жесткое предположение: закон совершенно недвусмысленно закрепляет обязанность детей уважать соучащихся, педагогов, других сотрудников образовательных/воспитательных учреждений и абсолютно игнорирует в качестве объектов подобного же отношения родителей, иных законных воспитателей, близких родственников (да и других граждан; по крайней мере, должностное не хамить последним вряд ли относится исключительно и только к эфемерному морализаторству).

В последнее время данная тема актуализировалась по нескольким причинам. Во-первых, как и предсказывали классики (см. нашу ссылку на суждения Е. М. Ворожейкина), дети, вооруженные разнообразной информацией, особенно «цифровым знанием» (что, конечно, ученые 70-х годов предвидеть не могли, однако данное знание лишь добавило остроты в заявленную много лет тому назад проблему) об отсутствии у них обязанности подчиняться решениям родителей и других попечителей, могут не только «обороняться» от их воспитательного воздействия, но и переходить в «наступление» – со ссылкой на свои юридически закрепленные права и свободы. Это, наконец, насторожило и общественность, и главных законодателей (к сожалению, пока далеко не всех).

Во-вторых, об актуализации проблемы свидетельствует, на наш взгляд, закрепление в конституционной поправке ч. 4 ст. 67¹ положения о необходимости воспитания у детей патриотизма, гражданственности и уважения к старшим [31, с. 41–42].

¹⁹ Кроме того, нормы ст. 43 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», обязывая детей младшего школьного возраста выполнять учебный план, устав школы и правила распорядка в ней, также не предусматривают мер ответственности – они могут быть предъявлены только учащимся старших классов.

²⁰ Норма ч. 1 ст. 69 Семейного кодекса Болгарии 1985 г. призывает детей уважать своих родителей и помогать им, а ст. 70 содержит аналогичное требование относительно дедушки и бабушки. Эти правила были подтверждены и Семейным кодексом от 01.10.2009 (ч. 4 ст. 124) // <https://lex.bg/laws/ldoc/2135637484> (дата обращения: 28.02.2024).

При этом следует заметить, что болгарская цивилистика отнюдь не являлась «тенью» советской. Напротив, ею и в то время были восприняты многие положения западного частного права.

Полагаем, что российские государство и общество ожидают от детей в ответ на данный конституционный призыв, реализуемый законными воспитателями, должностования в этом вопросе, а не «свободной дискуссии», в том числе на основе под- сказанной из Интернета идеи о принадлежности ребенка к «клубу человека мира», а не в качестве «пассионарного» и ответственного члена российской семьи и россий- ского общества (разумеется, в меру своей возрастной и эмоционально-когнитивной зрелости).

Заклячая размышления об общих положениях о правовом статусе и правосубъ- ектности несовершеннолетних, констатируем давно назревшую потребность внедре- ния в ткань семейного закона корректировок и дополнений: о дефиниции понятия «ребенок», его дееспособности в целом, об особенностях ее проявления в различных семейно-правовых институтах, элементах содержания семейно-правового статуса. Придавая конструкции дееспособности (как «динамо-машины» правосубъектности и статуса) завершенный вид, а также отвечая насущным потребностям публичного порядка, полагаем совершенно необходимым (в числе соратников по идее) ввести в СК РФ конструкцию обязанности детей уважать старших, в том числе своих роди- телей и других законных воспитателей, помогать им в вопросах жизнедеятельности семьи, подчиняться их правомерным решениям.

От злоупотреблений же в означенной сфере семейного бытия, как известно, детей должно защищать всем комплексом юридических возможностей, включая право ребенка на самостоятельную защиту от данных противоправных проявле- ний. При этом совершенно очевидно, что означенные задачи составляют часть об- щей стратегии систематизации и оптимизации содержания правосубъектности и правового статуса ребенка в общеправовом смысле (конституционно-правового, в сферах образования, труда, охраны здоровья, социальной поддержки, различных видов ответственности и т. д.). Гармония, достаточная результативность в этом во- просе, конечно, недостижимы (как и полная и безоговорочная их победа в целом), но стремление к ним представляет одну из чрезвычайно важных целей правого- го регулирования нашего семейного бытия, особенно с участием детей, не только и не просто «цветов жизни», а нашей будущности и нашей в них жизни после жизни.

Ссылки

1. Ильина О. Ю. Интересы ребенка в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2006. 192 с.
2. Комиссарова Е. Г., Краснова Т. Г. Личные права детей в предмете конституционно-правового регулирования // Вестник Тюменского государственного универ- ситета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Т. 7, № 4 (28). С. 152–166.
3. Летова Н. В. Семейный статус ребенка: проблемы теории и практики. М.: Проспект, 2018. 144 с.
4. Тарусина Н. Н., Сочнева О. И. Права детей. М.: Проспект, 2018. 176 с.
5. Темникова Н. А. Понятие и классификация семейных личных неимущественных прав ребенка // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2010. № 2 (23). С. 82–89.
6. Величкова О. И. О понятии «ребенок» в свете положений Семейного кодекса РФ и Кон- венция о правах ребенка // Материалы международной научно-практической конференции «Семейное право на рубеже XX–XXI веков: к 20-летию Конвенции ООН о правах ребенка». Ка- зань: КФУ, 2011. С. 149–152.
7. Леканова Е. Е. Дефиниция понятия «ребенок»: подходы, их критерии, достоинства и не- достатки // Социально-юридическая тетрадь. 2018. № 8. С. 28–37.

8. Беседкина Н. И. Права неродившегося ребенка // Государство и право. 2006. № 4. С. 54–60.
9. Шершеневич Г. Ф. Русское гражданское право. Казань, 1905. 777 с.
10. Зайцева А. М. Начало жизни как граница конституционной правоспособности // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 10. С. 17–24.
11. Лушников А. М., Лушникова М. В. Трудовое право. М.: Проспект, 2021. 768 с.
12. Иванчин А. В., Кулева Л. О., Наурбиева Ф. Х. Юридикто-психологические аспекты определения возраста, с которого наступает уголовная ответственность // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2022. Т. 16, № 4. С. 612–623. DOI 10.18255/1996-5648-2022-4-612-623.
13. Ионова Д. Ю., Казиханова С. К. Актуальные проблемы судебной защиты прав несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 8. С. 42–48.
14. Невзгодина Е. Л. Представительство. Гражданско-правовой аспект. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2007. 549 с.
15. Тарусина Н. Н., Конева Е. В., Симонова С. В. Правосубъектность ребенка: актуализация возможностей и их ограничения // Правоприменение. 2023. Т. 7, № 1. С. 155–164. DOI 10.52468/2542-1514.2023.7(1).155-164.
16. Тарусина Н. Н. Возраст как юридический факт в сфере семьи: соблазны и условность цифры // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75, № 10. С. 17–32. DOI 10.17803/1729-5920.2022.191.10.017-032.
17. Рясенцев В. А. Семейное право. М.: Юрид. лит., 1967. 224 с.
18. Антокольская М. В. Семейное право. М.: Норма, 2010. 432 с.
19. Тарусина Н. Н. Семья: ценностные и формально-юридические ориентиры // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13, № 3. С. 364–381. DOI 10.18255/2306-5648-2023-3-364-381.
20. Тарусина Н. Н. Семья как общеправовая конструкция // Lex Russica (Русский закон). 2020. Т. 73, № 4. С. 21–33. DOI 10.17803/1729-5920.2020.161.4.021-033.
21. Ершова Р. В. Цифровое поколение: между мифом и реальностью // Философские науки. 2019. Т. 62, № 2. С. 96–108.
22. Иоффе О. С. Советское гражданское право. М., 1965. Т. 3. 495 с.
23. Ворожейкин Е. М. Семейные правоотношения в СССР. М., 1972. 336 с.
24. Ершова Н. М. Правовые вопросы воспитания детей в семье. М.: Наука, 1971. 100 с.
25. Тарусина Н. Н. Семейное право. М.: Проспект, 2001. 144 с.
26. Рабец А. М. Проблемы укрепления нравственных начал в нормах о личных неимущественных правах и обязанностях родителей и детей // Научные труды РАЮН. 2003. № 3. С. 161–163.
27. Елисеева А. А. О совершенствовании семейного законодательства в области правового регулирования личных неимущественных отношений // Журнал российского права. 2010. № 3. С. 82–89.
28. Нечаева А. М. Семейное право. М.: Юрист, 2006. 232 с.
29. Гражданское право. Т. 3 / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М.: Проспект, 2007. 784 с.
30. Матвеева Н. А. Институт обязанностей ребенка в законодательстве зарубежных стран // Семейное и жилищное право. 2020. № 6. С. 25–28.
31. Тарусина Н. Н. Семейные ценности под эгидой права: новое в традиции и традиция в новом // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76, № 1. С. 33–52. DOI 10.17803/1729-5920.2023.194.1.033-052.